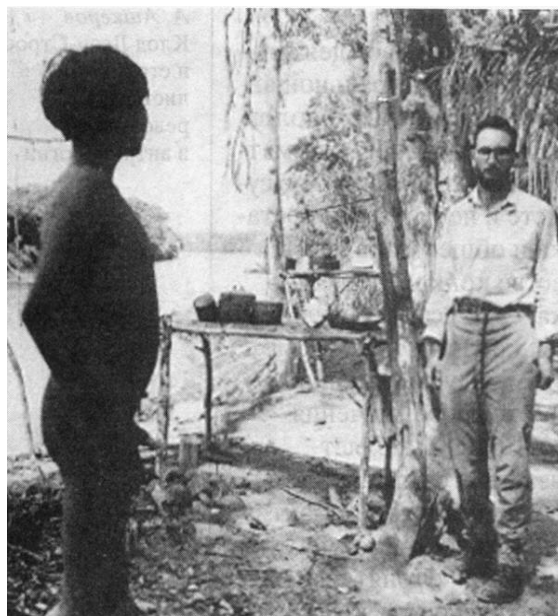

Ефремов Н.Н.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики
Ростовского государственного университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия

ДИАЛОГ САРТРА И ЛЕВИ-СТРОССА КАК «МЕСТО ВСТРЕЧИ» ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Портрет Ж.-П. Сартра,
появившийся
в Time magazine в 1946 г.

К. Леви-Стросс во время полевых
этнографических исследований
(30-е годы XX века)

В 2005 году исполнилось 100 лет со дня рождения Жана-Поля Сартра, ставшего, без преувеличения, поистине знаковой фигурой для европейской культуры XX века.¹ Он прожил долгую жизнь (21 июня 1905 – 15 апреля 1980) и на его долю пришлось целая череда событий, буквально потрясших Европу. Судьбу его как интеллектуала и как просто человека нельзя понять, не осмыслив ее в контексте того поколения, к которому он принадлежал.² Ведь философ, а тем более философ-писатель – по собственному твердому убеждению Сартра (которое он не только декларировал, но которому действительно следовал в жизни), – является, если вспомнить известное классическое выражение, «первым среди равных», в предельно общей форме выражая настроения и надежды, захватывающие его современников.

¹ О роли Сартра в истории европейской духовности см. из последних публикаций, например, следующие: N. Winock *«Le siècle des intellectuels»*. Paris, 1999; B.-H. Lévy *«Le siècle de Sartre»*. Paris, 2000; F. Jeanson *«Sartre»*. Paris, 2000 ; H. Wittmann *«L'esthétique de Sartre. Artistes et intellectuels.»*. Paris, 2001; L. Galster *«La Naissance du phénomène Sartre»*. Paris, 2001 ; M. Contat, M. Rybalka *«Les Écrits de Sartre»* Paris, 2005 ; A. Cohen-Solal *«Sartre - 1905-1980»*. Paris, 2005 ; M. Contat *«Passion Sartre»*. Paris, 2005 ; E. George Maugarlone *«Le concept d'existence. Deux études sur Sartre»* Paris, 2005 ; L' Histoire . Numéro spécial: *«Sartre et son siècle»*, № 295, février 2005; Le Magazine littéraire. Collections № 7 *«Sartre»*, mars 2005.

² В апреле 2005 года в честь юбилея на факультете философии и культурологии РГУ прошли Сартровские чтения, где состоялся заинтересованный диалог исследователей Ростова-на-Дону и Москвы.

Трагедия ухода Сартра со сцены культурной жизни, на которой он продолжительное время был признанным мэтром ведущего и модного интеллектуального движения, властителем умов тысяч своих почитателей, интересна вдвойне. Это не только, говоря черствым языком историко-философского анализа, смена социокультурной парадигмы мышления, но и уникальное «место встречи» двух разных, сменяющих друг друга, поколений европейских интеллектуалов, неповторимое соединение человеческих судеб, переплетение личностных путей.

Каждое действительно значимое массовое интеллектуальное движение – «дитя своего времени». И по законам жанра трагедии приходящий на смену экзистенциализму структурализм должен был бы утвердиться на останках поверженного предшественника. Так уж случилось, что им стал Жан-Поль Сартр, который вдохновлял и возглавлял поколение французской интеллигенции, связанное с судьбой и духовным наследием участников Сопротивления. После Второй мировой войны, провозгласив стратегию Освобождения, он был одним из тех, кто инициировал «выход философии на улицу». Эти идеи получили заинтересованный широкий отклик, но новым поколением, которое приходит в 50-е годы, они воспринимались уже как само собой разумеющееся.

В это время фигура Сартра все еще сохраняет свое общественно-политическое и культурное значение, однако год за годом приносят ему целую череду болезненных и драматических разрывов с соратниками, приведших в конечном итоге к трагизму духовной изоляции. Одной из причин такого исхода стало желание Сартра преодолеть свой аполитизм, которым он страдал в соответствии со старой доброй традицией выпускника Эколь Нормаль.³ Ведь не в последнюю очередь поэтому, в свое время, он оказался безразличным к социально-политической борьбе 30-х годов, в частности - к угрозе нацизма. Теперь, после войны, Сартр, озабоченный сохранением своей репутации интеллектуального лидера, пытается исправить недостатки прошлого и, стремительно сближается в 1952 году с Коммунистической партией Франции. Однако это были годы самого разгара холодной войны, когда близость к коммунистам приносила только неприятности. В это же время новое, пришедшее в послевоенные годы, поколение французских интеллектуалов с каждым днем все больше и больше начинает отходить от коммунистов в связи с чередой разоблачений последствий культа личности в Советском Союзе.

Идиллическое единство, царившее во время Демократического революционного собрания и позволившее объединить на одной трибуне зала Плейель⁴ 13 декабря 1948 года на конференции «Интернационализм духа» таких разных по настроению и взглядам интеллектуалов, как А. Бретон, А. Камю, Д. Руссе и Ж.-П. Сартр, вскоре ушло в небытие. Как ни стремился Сартр сохранить былую общность, обстоятельства холодной войны не позволили ему долго «не приводить в отчаяние Бийанкур». Последовавшие за этим разрывы со своими соратниками обойдутся ему еще дороже и психологически, и нравственно. Так в 1953 году в результате резкой полемики он расстанется с К.Лефором, одним из основных постоянных сотрудников редакции его любимого детища «Новые времена».⁵

За этой полемикой последовали и два других печальных разрыва: с А.Камю, а затем с Л. Этьемблем. Но самая трагическая потеря этого периода – уход из журнала одного из самых близких друзей, члена редакции с первого выпуска М.Мерло-Понти. Покинув журнал летом

³ *École Normale Supérieure* – одно из старейших и самых престижных учебных учреждений Франции (образование, полученное там, зачастую ценится выше, чем в Сорбонне). Основано в 1794 году по решению Конвента, для подготовки преподавателей и исследователей в области языкознания, естественных наук и медицины. Среди знаменитых выпускников: Ж. Жорес, А. Бергсон, Л. Пастер, Ж. Помпиду, Р. Ролан и др.

⁴ Традиционное место проведения общественных мероприятий левых сил, находящееся в юго-западном пригороде Парижа – Булонь – Бийанкур.

⁵ “*Les Temps Modernes*” – философский и общественно-политический журнал, основан Ж.-П. Сартром и С. де Бовуар в октябре 1945 года. Существует по настоящее время, в разные годы с ним сотрудничали многие выдающиеся интеллектуалы Европы XX века.

1952 года, он уже в 1955 году опубликует «Авантюры диалектики», где разоблачит ультрабольшевистский волюнтаризм Сартра. Но, несмотря на все эти потери, влияние Сартра на молодое поколение все еще остается неоспоримым. Вспоминая об этом, Р. Дебре писал: «В 50-е годы среди моих одногруппников – лицейстов было немало таких, у которых от «Бытия и ничто» начинало учащенно биться сердце».⁶

Тот же Р. Дебре вспоминает о знаменитой ораторской схватке между Сартром и Л.Альтюссером⁷, которая произошла в 1960 году в Эколь Нормаль в присутствии Ж.Ипполита, М.Мерло-Понти и Ж.Кангйема. Он, несмотря на то, что был в то время соискателем по философии под руководством Сартра, вынужден признать значительное преимущество Альтюссера. Следуя одно за одним, подобные события свидетельствовали о том, что Сартр шаг за шагом становится персонажем прошлого, воплощением несбывшихся надежд поколения Освобождения. Этот образ пристанет к нему и будет сопровождать до тех пор, пока он не падет его главной жертвой.

Закат счастливой звезды Сартра был обусловлен не только «лежащими на поверхности» и получившими громкий резонанс социально-политическими событиями тех лет, он, прежде всего, зависел от изменения самой интеллектуальной атмосферы Франции того времени. Здесь новая расстановка сил определилась, в первую очередь, подъемом гуманитарных наук, сразу выразивших свои претензии на всеобщее признание в качестве воплощения «третьего пути» между литературой и точными науками. В результате этого произошло значительное смещение главных гуманитарных вопросов, отразившее также и изменение настроений французской интеллигенции. Однако Сартр, озабоченный заполнением своих политических пробелов, не замечает этого. Он остается верным изначально сформулированной философской доктрине, которая до сих пор обеспечивала ему признание, и не обращает внимания на порывы свежего ветра. И если в 1948 году он и спрашивает себя «Что такое литература?», то делает это для того, чтобы задать, прежде всего, себе вопросы об авторе, его мотивациях, его публике. Но фактически ответы на эти вопросы ему ведь известны заранее...

Однако в конце 50-х годов именно этот постулат о существовании литературы будет подвергнут современниками сомнению и оспорен. Крушение авторитета Сартра как защитника этого постулата вызовет кризис в стане его сторонников, породит многочисленные сомнения в правильности его трактовок основных философских вопросов. Эта ситуация будет предельно выгодно использована для себя вновь поднимающимися социальными науками, претендующими на объективность рассмотрения человека и его мира, а, следовательно, отвергающими субъективистские принципы сартровской философии. Ведь человек Сартра существует только преднамеренностью своего сознания, осужденным на свободу, ведь уже изначально полагается, что «существование предшествует сущности». Показательна в этом смысле идейная эволюция Р.Барта, который первоначально объявив себя сторонником сартровской философии, вскоре после войны постепенно отходит от его взглядов для того, чтобы принять самое живое участие в новом многообещающем интеллектуальном приключении под названием «структурализм». Повсеместно «субъект», «сознание» как принципы постановки проблем и объяснительные средства уступают дорогу понятиям «правило», «код» и «структура».

Лишь один из исторических персонажей того времени счастливым образом символизирует одновременно и принятие необходимости эволюции парадигм, и попытку примирения старого и нового. Это ближайший соратник Сартра, Ж.Пуийон⁸, который вскоре

⁶ Debray R. *Le Nouvel Observateur*, 21 avril 1980.

⁷ Альтюссер Луи (1918 – 1990) – французский философ, близок к идеям структурализма, марксист, член ФКП. Основные труды по диалектике, обществознанию, теории познания.

⁸ Jean Pouillon (1916 – 2002) – один из редакторов журнала «Новые времена», известный французский этнограф, автор многих работ по структурному анализу социальной организации африканских народов и методологическим проблемам его применения в социальных науках. Из последних публикаций о нем см., например: «Jean Pouillon» // *L'Homme*. № 164 – *Histoire, littérature et ethnologie*, Paris, 2002.

станет единственной возможностью общения между «Новыми временами» и «Человеком»⁹, то есть между Сартром и Леви-Строссом. Пуйон познакомился с Сартром очень рано, еще в 1937 году, и они оба, несмотря на разные интеллектуальные дороги, преданно поддерживали эту дружбу на протяжении долгих лет. Он вспоминал: «Я был преподавателем философии во время войны, а в 1945 году Сартр однажды спросил меня: «Вам нравится заниматься философией?» я ответил, что выступать паяцем перед студентами приятно, но проверять письменные работы и получать за свой труд совсем небольшие деньги мне не очень нравится. Тогда он послал меня к своему другу по Эколь Нормаль, который и отыскал для меня занятие вплоть до сего времени – составление аналитических отчетов Национальной Ассамблеи. В условиях разделения властей законодательная имеет свой собственный бюджет и поэтому она достаточно добра к своим сотрудникам. Им платят больше и обычно они имеют шесть месяцев каникул в год. После того, как я прошел конкурс и был принят, я получил возможность заниматься тем, чем хотел, а именно – писать в «Новые времена». Несомненно, именно поэтому, а также потому, что я не был озабочен своей карьерой и Леви-Стросс пригласил меня заниматься в 1960 году журналом «Человек». Я не мешал никому и в то же время мне никто не мешал».¹⁰

Ж.Пуйон совершенно не был знаком с этнологией вплоть до того момента, когда в 1955 году появились «Печальные тропики». Сартр с большим энтузиазмом воспринял эту книгу и обратился к нему с просьбой написать на нее рецензию. Вместо того чтобы составить формальную хвалебную оду, Пуйон включается в «игру» между великими и решает провести подлинный анализ, поставив перед собой задачу, уяснить саму логику движения мысли Леви-Стросса. Для этого пришлось прочитать все, что тот к этому времени опубликовал: «Элементарные структуры родства» и статьи, которые позже будут объединены под заголовком «Структурная антропология» (1958). Конечно, в связи с этим статья Пуйона вышла за рамки простой рецензии и после опубликования в 1956 году в «Новых временах» была воспринята читающей публикой как подведение итога всему творчеству Леви-Стросса.¹¹

Это на первый взгляд случайное путешествие в «мир другой мысли» станет для Пуйона, как и для целого поколения его сверстников, непременным условием интеллектуальной жизни, знаменующим рождение устремленности к новым, антропологическим по своему характеру вопросам, «победа» которых обозначит прощание с классической философией. Сам Пуйон в этой рецензии не остается беспристрастным и открыто поддерживает структурализм, который, по его мнению, действительно позволит преодолеть эмпиризм и описательность жизненного опыта. В концепции Леви-Стросса он обнаруживает строгую исследовательскую модель, где рациональное позволяет выстроить «связи, подобные математическим». Более того, он полностью поддерживает автора в его надеждах на познавательные возможности лингвистической модели, которые должны обеспечить преодоление погрешностей и нежелательных последствий тесной связи наблюдателя и наблюдаемого объекта. «Дюркгейм говорил, что надо рассматривать социальные связи в качестве предметов. Нужно, перефразируя его, рассматривать их как слова»¹².

Еще более показательными попытками соединить две противоположные концепции становятся работы Пуйона конца 50-х годов, когда он вынужден согласиться с упреками К.Лефора, обращенными к Леви-Строссу, в том, что позиция последнего страдает явной неисторичностью. Это свидетельствует: Пуйон все же остается верным заветам своего «доброе старого друга» Сартра в его защите принципов исторической диалектики и в состоянии трезво противопоставить «синхронной логике шахматной игры диахронную логику бриджа». Но эта оговорка не мешает Пуйону поддерживать одновременно и структурализм, и антропологию,

⁹ «L'Homme» - название журнала, издаваемого К.Леви-Строссом с 1960 года.

¹⁰ Цит. по: *Dosse F. Histoire du structuralisme. Tome 1. Paris, 1995. P.21.*

¹¹ *Pouillon J. L'oeuvre de Claude Lévi-Strauss // Les Temps modernes. № 126, juillet 1956.*

¹² *Pouillon J. Fétiches sans fétichisme. Paris, 1975. P.312.*

так, начиная с этих дней, он участвует в семинарах К.Леви-Стросса в пятой секции Высшей школы исследований в социальных науках.¹³

Еще одна важнейшая веха... Как мы уже отмечали, Сартр восторженно принимает публикацию знаменитых «Печальных тропиков» и, по свидетельству Пуйона даже не предполагает, что это событие станет знаковым для его ухода с интеллектуальной арены. Они понравились ему тем, что Леви-Стросс не стеснялся заявлять о своей личной позиции, не ограничиваясь простым наблюдением и общением с туземцами. Именно эта «плодотворность недоразумения» и привлекла теперь уже самого Пуйона к этнологии в большей степени понимающей, чем объясняющей. Оказалось, что, начав с государственного отчета, так закономерно перейти к способу существования, и Пуйон не противится «зову тропиков». Получив солидный кредит в виде денег и оказанного доверия, он по совету Р.Жалена, в 1958 году едет с этнографической экспедицией в республику Чад, поскольку именно эту страну ему рекомендуют как малоисследованную в этническом плане. В итоге Пуйон изучает восемь этнических групп, каждая из которых содержит максимум 10000 человек и обнаруживает у них совершенно разную социальную организацию и несовпадающее распределение политико-религиозных компетенций. Одновременно он отмечает, что, тем не менее, во всех этих группах языковые словари, лексика одинаковы или, по крайней мере, очень подобны. Он приходит к выводу, что, чтобы объяснить эти подобия и различия, нужно обязательно обратиться к понятию структуры, имея при этом в виду не ее конкретную реализацию в жизни той или иной группы, а воплощение самого строя «грамматики культуры», который и дает возможность существования вариантов.

Поэтому не случайно в 1960 году, когда появляется первый том «Критики диалектического разума» Сартра, Леви-Стросс просит представить эту книгу на своем исследовательском семинаре именно Пуйона. Последний посвящает ей три полных дня, и, как следствие, эти занятия, которые собирали ранее аудиторию не более чем в 30 человек, уже на следующий день превратились в значительную толпу, буквально заполонившую весь зал. Вместе с тем, если Пуйон и хотел искренне примирить Сартра и Леви-Стросса, то он должен был бы испытать неподдельное разочарование, когда не смотря ни на что в заключении «Неприрученной мысли» (1962 год) Леви-Стросса появился уничтожающий ответ на основные положения «Критики диалектического разума». Удар был жестоким, но это не привело Пуйона в отчаяние, и, следуя устоявшейся традиции, в 1966 году он опять в своей статье в «Арке»¹⁴ настойчиво объединяет эти два произведения, представляя их как несоизмеримые, но взаимно дополняющие друг друга. «Приятно рассматривать одно или другое, не нарушая видения, так как когда одно присутствует, другого нет в наличии», - говорит он с юмором и сейчас.¹⁵

История интеллектуального, психологического и личностного противостояния Сартра и Леви-Стросса свидетельствует о том, что никому из них так и не удалось найти общие точки соприкосновения взглядов, которые позволили бы примириться. За неимением таких «мест встречи» история подарила одному человеку, Жану Пуйону роль арбитра и примирителя, все таки сделав невозможными их спонтанные попытки «уничтожить» друг друга.

Если Пуйон в конце концов пришел к признанию антропологии как многообещающей гуманитарной науки, то Сартр остался глухим не только к ней, но и к многочисленным призывам других представителей новых течений гуманитарного знания. Постулирование философии сознания субъекта привело его к недооценке значения лингвистики как науки, психоанализ также плохо ужился с его теорией причинности и пониманием свободы субъекта. Поэтому еще в 1943 году в «Бытии и ничто» он рассматривал Фрейда как сторонника механистической доктрины. Вместе с тем волей не волей он оказался втянутым во фрейдистский лабиринт проблем. В 1958 году один из известных в то время продюсеров

¹³ EHESS – *École des Hautes Études en Sciences Sociales*. Одна из высших школ, приравненных к университетам, объединяющая около 80 исследовательских групп по проблемам антропологии, истории, философии, политики, языкознания и социологии.

¹⁴ «*l'Arc*» – один из самых популярных литературно-философских журналов того времени.

¹⁵ Цит. по: *Dosse F. Histoire du structuralisme. Tome 1. Paris., 1992. P. 24*

Голливуда Дж. Хьюстон заказал ему сценарий фильма о Фрейде. Работая над ним, Сартр был вынужден прочитать не только все изданные фрейдовские произведения, но и его переписку. В результате в том же году он подготавливает сценарий на 95 страницах, а годом позже и полностью оканчивает его.

Однако Хьюстон остается недовольным не только содержанием, но и стилем, в котором он написан, находя их слишком тяжелыми и скучными для массового зрителя. Сартр же упорно не реагирует на критику и в каждом новом представленном варианте пытается в ущерб требованиям доходчивости и привлекательности усилить свое видение сюжета, основанное на изложении научной оригинальности личности Фрейда. Ситуация разрешается скандалом, и в результате Сартр требует исключить свое имя из заглавных титров фильма, получившего в конечном итоге название «Фрейд, тайная страсть». Следовательно, уже к концу 50-х годов Сартр был хорошо знаком с фрейдизмом. Однако его интерес к этим взглядам не привел к принятию основного фрейдистского понятия бессознательного. Сартр пытается доказать, что человек может быть полностью понят только в действии, посвятив реализации этого тезиса свои «Заметки о Флобере», произведение, к сожалению оставшееся незаконченным.

Третьим классическим положением Сартра, подвергшимся всесторонней критике в этот период, стала его концепция ангажированного интеллектуала. Это типично французская традиция, исторически возникшая в связи со знаменитым делом Дрейфуса, когда со всей остротой был поставлен вопрос об ответственности интеллигента за все, что происходит в современном ему обществе. Сартр, прежде всего сам по себе, всей своей творческой судьбой идеально воплощал этот принцип вплоть до того момента, когда возникает идея, что интеллектуал не может навязывать свою точку зрения в любой области, а должен строго придерживаться рамок своей специальности. Право интеллектуала на критику всего и вся тем самым значительно ограничивается, становится зависимым от обстоятельств. Вместе с тем фактически он выигрывает больше того, что проигрывает, поскольку обретает возможность действительно эффективного вмешательства в ход пусть ограниченных, но действительно зависящих от него событий. Такое самоограничение во имя рациональности, конечно, влечет за собой не только потерю каких-либо полномочий, но даже отказ от истории в широком смысле этого слова.

Две значимые персоналии несомненных интеллектуалов наглядно воплощают это стремление дистанцироваться от такого идейного наследия Сартра: Жорж Дюмезиль и Клод Леви-Стросс. Так первый на вопрос о том, осознавал ли он когда-нибудь эту ответственность, отвечал: «Нет, я чувствую даже некоторое отвращение к людям, играющим эту роль. В частности – к Сартру».¹⁶ То же настроение можно заметить и у Леви-Стросса. На этот же вопрос он отвечает: «Нет, я считаю, что мой интеллектуальный авторитет в той мере, в какой он нашел признание, основан не на беспочвенных претензиях, а на строгой тщательности и точности».¹⁷

Так пришла к самоисчерпанию традиция, в свое время талантливо обоснованная Виктором Гюго и проиллюстрированная всей его личной судьбой. Ведь именно он искренне провозгласил себя способным в одиночку решить все проблемы своей эпохи. XX век приносит с собой слишком сложную и взрывоопасную проблематику, чтобы кто-либо самостоятельно мог претендовать на ее решение в полном объеме. И с его наступлением традиционная фигура философа-писателя как субъекта, вопрошающего абсолютно обо всем и несущего ответственность за весь мир в целом, уходит в прошлое. Вернее, как ее воплощение («ангажированный писатель») удаляется Сартр, оставляя поле битвы за вновь пришедшими гуманитарными науками, основывающимися теперь уже на совсем иных принципах описания и объяснения человека и его мира.

¹⁶ Dumezil G. *Entretiens avec D. Eribon*. Paris, 1987. P. 204.

¹⁷ Levi-Strauss Cl. *De près et de loin*. Paris, 1988. P. 219.